

А. Клименко, А. Посох

СЕМАНТИКА И ГРАММАТИКА В АССОЦИАТИВНОМ СИНТАГМАТИЧЕСКОМ БИНОМЕ

Ассоциации, полученные в ходе свободных ассоциативных экспериментов, обычно делят на три разряда. Во-первых, это синтагматические ассоциации, образующие со стимулом сочетание слов, т. е. фрагмент текста (*красивая – девушка; горький – перец; дождь – идет*). Таковы, например, многие реакции-существительные на стимулы-прилагательные и наоборот, реакции-глаголы на стимулы-существительные; реакции-наречия на стимулы-глаголы и др. Во-вторых, это парадигматические реакции, представляющие собой того или иного рода подстановки или замены стимулов в случае их использования в тексте, например, синонимические, антонимические ассоциации, ассоциации-слова, принадлежащие к тем же семантическим группам, что и стимул. В-третьих, это тематические ассоциации, обозначающие явления, связанные с обозначенными стимулом явлениями слова, которые могут войти в состав одного текста со стимулом. Во всех этих типах реакций по существу дела выявляются как грамматические, так и семантические отношения.

Знать значение слова – это, очевидно, с одной стороны, уметь употреблять слово, использовать в правильных (грамматически и семантически) текстах. Это, с другой стороны, значит правильно понимать слово, то есть, перебирая другие слова, установить его место в системе, а тем самым и его значение. Таким образом, для говорящего естественно синтагматическое ассоциирование, попытка в ходе эксперимента включить слово в потенциально возможные контексты, а для слушающего – парадигматическое ассоциирование, установление связей данного слова с другими словами в лексической системе. Третий тип ассоциаций (тематических) может быть частично сведен к текстовым (синтагматическим), а частично к системным (парадигматическим). Эти подходы к се-

мантике и реализуются с большей или меньшей частотой в ходе свободного ассоциативного эксперимента. Можно отметить, что в свободных ассоциативных экспериментах испытуемые нередко попеременно выдают то синтагматические, то парадигматические, то тематические ассоциации, пользуясь той свободой, которая дана в задании.

Среди всех синтагматических ассоциаций на стимулы-имена доминирующее место занимают атрибутивные ассоциации, лишь объектные сочетания стимулов-глаголов с ассоциацией-дополнением занимают столь же значительное место. Атрибутивные ассоциации весьма своеобразны в силу большого сцепления слов в определительном комплексе. Важно заметить, что нередко грамматически зависимое слово в атрибутивном комплексе является в тексте ведущим с точки зрения лексических отношений. Это специфическое положение атрибутивных сочетаний ведет к тому, что атрибутивные ассоциации занимают доминирующее положение в материалах экспериментов. В случае атрибутивных реакций мы имеем дело с реакциями, направленными на производство грамматически правильного фрагмента текста, в котором проявляются характерные черты атрибутивного сочетания.

В семантическом отношении атрибутивные ассоциации могут быть разделены на несколько подтипов. При этом по характеру семантических отношений различаются ассоциации-прилагательные в ответ на стимулы-существительные и ассоциации-существительные в ответ на стимулы-прилагательные, что естественно, так как независимо от того, что, в конечном счете, образуется ассоциативная пара близкого типа, стратегия выбора ассоциации зависит от исходного стимула. Вместе с тем одна, притом наиболее частая, стратегия выбора ассоциации близка в обоих случаях. Это выбор типичного признака, названного стимулом, или типичного носителя названного стимулом признака. Такого рода ассоциации составляют примерно половину всех атрибутивных ассоциаций, встретившихся в ответах испытуемых.

Для стимулов-существительных стратегия выбора в ряде случаев может быть определена так: «разновидность предмета, обо-

значаемого стимулом А, обладает свойством, обозначаемым реакцией М». В соответствии с материалами экспериментов такого рода ассоциации могут обозначать разные свойства, например, размер, форму, цвет, вкус и др. Другая группа атрибутивных ассоциаций на стимулы-существительные определяется стратегией «истинный, настоящий А обычно М» и «хороший – плохой А обычно М». Небольшую группу ассоциаций составляют такие, стратегию выбора которых можно определить «А не может не быть М».

С ассоциациями, характеризующими типичные признаки стимулов-существительных, соотносятся ассоциации, называющие типичные предметы, которые являются носителями признаков, выраженных стимулами-прилагательными. Конкретный состав ассоциаций-прилагательных, как и ассоциаций-существительных, в принципе может охватить весь словарь соответствующих частей речи в языке, а классификация таких реакций является по существу классификацией прилагательных и существительных, а не отношений между ними. Интересно отметить, что определенная часть атрибутивных ассоциаций повторяется как в числе ответов на стимулы-прилагательные, так и в числе ответов на стимулы-существительные, т. е. относится к числу зеркальных ассоциаций (*океан – голубой; соль – горькая; сыр – желтый и др.*).

Определенную группу реакций синтагматического типа составляют ассоциации – согласованные глаголы на стимулы-существительные, так, например, *лошадь – скачет, бежит; учитель – учит; девочка – играет, ветер – дует*. Выделяются также случаи, когда глагол обозначает состояние субъекта, а не его действие, типа *друг – болеет*.

Когда в качестве стимула выступает глагол, испытуемые дают с большой частотой дополнения к нему. Во многих случаях отмечается соответствующая грамматическая форма этого дополнения, и тогда можно говорить о синтагматическом дополнении. При этом если личная форма глагола часто вызывает субъектные реакции, то инфинитив таких реакций вызывает гораздо меньше. На первое место среди реакций-существительных выходит назва-

ние объектов. Особенно часто выступает название объектов при переходных глаголах, например, на стимул *везти* самые частые реакции – существительные, которые могут быть истолкованы как названия объектов: *дрова, воз, груз, сено, ребенка* и т. д. При непереходных глаголах той же группы глаголов движения чаще выступают обозначения места, времени и т. д.; на первом месте вообще обстоятельственные реакции, например, в ответ на стимул *бегать* чаще всего испытуемые ответили: *быстро, босиком, по улице* и т. д. Интересно, что поскольку *бегать* в одном специальном значении выступает как переходный глагол, появляется и реакция – прямое дополнение *бегать – кросс*. Характер семантических отношений между стимулами и ассоциациями, очевидно, меняется в зависимости от того, каков тип дополнения; что касается семантики ассоциаций, то она, как и в случаях с субъектами, представила бы по существу классификацию существительных.

Что касается реакций на стимулы-глаголы, целесообразно отметить группу наречных реакций, например: *вставать – рано, утром, быстро; идти – пешком, медленно, шагом, домой* и т. д.

Итак, среди факторов, обуславливающих появление той или иной реакции (синтагматической, парадигматической или тематической), значительную роль играют, с одной стороны, тонкости задания и предшествующая деятельность испытуемых, с другой – чрезвычайно важны языковые факторы. Так, отмечается зависимость между количеством парадигматических, синтагматических и тематических ответов и принадлежностью стимула к той или иной части речи. При этом выявляется, что в ответ на частотные прилагательные, как правило, выдаются антонимы (контрастные прилагательные), а в ответ на редкие скорее выдаются слова синонимического типа. Причиной последнего является, видимо, то, что частота реакций пропорциональна частотности слов в языке, а частотное слово редко имеет столь же частотный синоним, в то время как антоним к нему нередко обладает тем же порядком частотности. Иногда же у слова вообще нет антонима или синонима, а потому выдача или невыдача его зависит от особенностей связей данного слова с другими членами лексической системы. Когда у

стимула-прилагательного нет достаточно частотных или достаточно близких синонимов и антонимов, и он не входит в четкую словарную группу, на первый план выдвигаются иные связи слова, прежде всего – синтагматические. При этом отмечается, прежде всего, зависимость ассоциирования от принадлежности слова-стимула к тому или иному грамматическому роду и числу, что и прослеживается в материалах экспериментов, проведенных на разных языках. Так, английские прилагательные вызывают с одинаковым успехом в качестве реакций любые существительные, в русском же на стимул-прилагательное, естественно, чаще появляются реакции-существительные того же рода, в форме которого был задан стимул. Немецкие прилагательные в качестве стимулов ведут себя иначе в этом отношении, поскольку они прямых сочетаний с существительными не образуют. Форма стимулов-существительных среднего рода единственного числа обуславливает выдачу реакций-прилагательных в форме среднего рода единственного числа, например, *крыло – большое*, а форма стимулов во множественном числе – в форме множественного числа (*крылья – большие*). Это же относится и к причастиям. Менее строго, видимо, обуславливает форма стимулов числовую форму ассоциаций – личных глагольных форм, например, в числе ассоциаций на слово *крыло* имеются глаголы только в форме единственного числа (*машет, упало*), а на стимул *крылья* имеются как глаголы во множественном, так и глаголы в единственном числе (*летает, машет, мажут, носит, поднялись*). Дело, очевидно, в том, что в одних случаях существительное выступает как субъект действия, а в других – действие приписывается еще кому-то или чему-то, что и объясняет появление глагольных ассоциаций, как в единственном, так и множественном числе. Среди ассоциаций-существительных определенное место принадлежит существительным, входящим в одну семантическую группу. Эти существительные чаще имеют то же число, что и стимул. Складывается впечатление, что тогда, когда стимул задан в начальной форме, в качестве реакции чаще приводится начальная форма слова; нена-

чальная форма стимула приводит к более частым реакциям в не-начальной (т. е. управляемой форме).

В числе синтагматических реакций определенное место занимают такие, которые легко соотносятся с парадигматическими отношениями между словами. Так, когда речь идет об отношениях типа часть – целое, иногда ответ испытуемого получает специфическое грамматическое оформление, дающее основание отнести его к числу синтагматических, а не парадигматических реакций, например, *голова – человека, крыло – птицы, птиц* и т. д. Семантически здесь то же отношение части целого, что и в реакциях парадигматического типа (*рука – человек*), но грамматическое оформление иное, что заставляет рассматривать подобные реакции как синтагматические.

Подводя итоги анализа синтагматических реакций, следует отметить, что синтагматические реакции должны рассматриваться как фрагменты текста, возникающие у испытуемых при естественной для каждого носителя языка установке на обычную речевую деятельность. Специально проведенные эксперименты позволяют утверждать зависимость результатов свободного ассоциативного эксперимента от грамматической формы стимула. Особенно эта зависимость проявляется в синтагматических ассоциациях. Атрибутивные (определительные) биномы появляются и как реакции-определения на стимулы-существительные и как реакции-существительные (субъекты признаков) на стимулы-прилагательные. Для обоих этих типов реакций характерно то, что признак для субъекта или субъект для признака являются более или менее типичными, вплоть до эталонных, но семантический спектр определений весьма широк: размер, форма, материал, характер, состояние, температура, цвет, время, сила, динамичность, источник, звуковой признак, оценка предмета. Субъекты признаков при достаточном разнообразии стимулов-прилагательных тоже разнообразны. Иногда в качестве реакций отмечаются сказуемые – названия обычных для субъекта действий и состояний (функций). В специальных экспериментах со стимулами-глаголами в личной форме получают реакции – названия субъ-

ектов действий. Часты (особенно при переходных глаголах как стимулах) ассоциации – названия объектов действий. Отмечаются и адвербиальные реакции на глаголы, а также реакции сравнительного типа. Синтагматические ассоциации в значительной мере связаны с особенностями структуры языка, а также со степенью стандартности ассоциаций.

Грамматическая обусловленность ассоциаций касается, прежде всего, ассоциаций синтагматического типа. Так род стимула-прилагательного оказывает воздействие на род, а следовательно, и на выбор существительного – ассоциации, в первую очередь, синтагматического характера, т. е. влияет на синтагматические, грамматические связи ассоциации со стимулом. Однако, как и в реальном тексте, слова вступают в грамматическую связь не на чисто формальной, если снять экспериментальные случаи вроде знаменитых «зеленых идей, которые яростно спят», а на семантической основе. Между грамматически связанными словами в тексте существует не только грамматическая связь, но и семантическая. Более того, можно полагать, что грамматическая связь представляет собой формальное воплощение связи семантической. Собственно говоря, так же обстоит дело и с ассоциативным биномом. В синтагматическом ассоциативном биноме отражаются семантические связи между словами, выявляемые и в других биномах, поскольку они отражают объективно существующие в сознании носителей языка связи между словами в тексте. Разумеется, возможны различия в частоте выявления тех или иных типов отношений, но в принципе отношения в тексте и отношения в системе коррелируют друг с другом и соответствуют друг другу. Этот постулат теоретического характера вытекает из того, что основное предназначение языка – служить средством человеческого общения, а следовательно, реализоваться в текстах для передачи сообщений. Он находит убедительное подтверждение в синтагматических ассоциативных биномах, получаемых в процессе свободного ассоциирования.